

Витторио Страда

«Ты близкая спутница большого русского творчества...»

Две любви Бориса Пастернака

Недавняя кончина (несколько месяцев назад) Ольги Ивинской, которую связывала с Борисом Пастернаком взаимная любовь и причастность ко всем горестным перипетиям истории романа «Доктор Живаго», за что дважды (в 1949 и 1960 году) советские власти бросали ее в лагерь, — заставила вновь заговорить о жизни этой женщины. Впрочем, она рассказала об этом и сама в вышедшей в 1978 году в Париже книге воспоминаний, и в частности, о том, что прототипом героини «Доктора Живаго» — Лары — в большой степени можно считать именно ее — Ольгу Ивинскую.

«Иногда меня спрашивают — действительно ли я Лара из романа «Доктор Живаго». В этом случае принято говорить что-то о прототипе, о различии между реальным человеком и художественным образом и степени их сходства, о совпадении судеб. В основу образа Лары легли, видимо, несколько женских характеров, даже и часть духовного мира самого автора, как замечает Д.С.Лихачев. «Это — Лара моей страсти» — пишет обо мне Б.Л. в письме к Р.Швейцер. Да, в этом образе есть мои черты, в том числе биографическое сходство, сходство внешняя. Но я или не я — не это главное...»

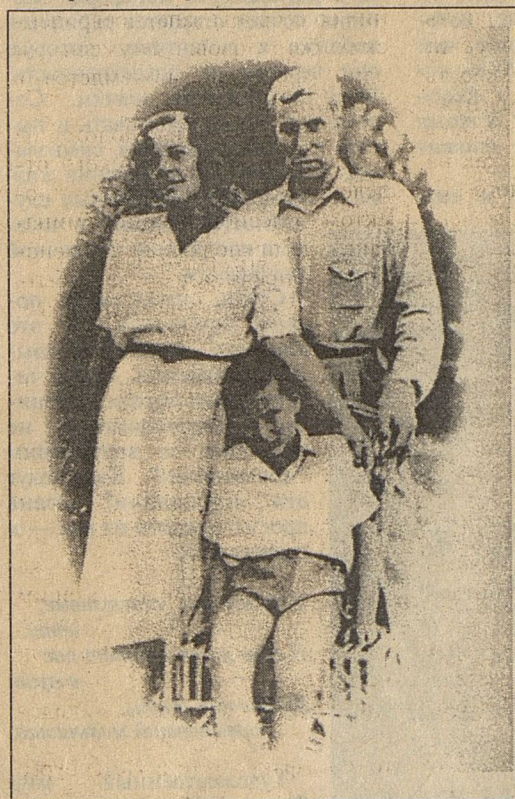
Действительно, независимо от того, как соотносятся друг с другом Лара и Ольга Ивинская, роман Пастернака с нею составил знаменательную страницу и его биографии и ее жизни, до последних дней отмеченной неразрывной связью с поэтом, включая и наиболее прозаические аспекты (например, проблемы собственности на ценнейшие архивные материалы).

Однако была (и задолго до Ольги Ивинской) в жизни Бориса Пастернака и другая женщина, судьба которой нашла свое отражение в сюжете «Доктора Живаго», — жена поэта Зинаида Николаевна.

Сестра поэта Жозефина Леонидовна вспоминает о том, как, встретившись с ней проездом в Берлине в 1935 году, Пастернак говорил: «Знаешь, это мой долг перед Зиной — я должен о ней написать. Я хочу написать роман...»

Когда летом 1930 года во время летнего отдыха в Ирпени под Киевом поэт познакомился с Зинаидой

Николаевной (своей будущей второй женой), она была замужем за знаменитым пианистом и другом Пастернака Генрихом Нейгаузом.

З. Н. Пастернак, Б.Л. Пастернак с сыном Леной. 1946

Зинаида Николаевна и Пастернак сразу почувствовали сильное влечение друг к другу. Вскоре, после ее развода с Нейгаузом и Пастернака с первой женой Евгенией, они поженились.

Страстная любовь к Зинаиде Николаевне, оставившая глубокий след в поэзии и жизни Пастернака, естественно с годами переросла в ровную, спокойную и согласную семейную жизнь. Так было вплоть до

1946 года, когда 56-летний Борис Пастернак познакомился в редакции «Нового мира» с работавшей там 32-летней Ольгой Ивинской.

Насколько сложным было чувство поэта к Ивинской, можно судить по письму к ней, написанному в феврале 1959 года:

«28 февр.59

Олюша золотая моя девочка я крепко целую тебя. Я связан с тобой жизнью, солнышком, светящим в окно, чувством сожаления и грусти, сознанием своей вины (о, не перед тобой, конечно), а перед всеми, сознанием своей слабости и недостаточности сделанного мною до сих пор, уверенностью в том, что нужно напрячься и сдвинуть горы, чтобы не обмануть друзей и не оказаться самозванцем. И чем лучше нас с тобой все остальные вокруг меня, и чем бережнее я к ним и чем они мне милее, тем больше и глубже я тебя люблю, тем виноватее и печальнее. Я тебя обнимаю страшно-страшно крепко, и почти падаю от нежности и почти плачу.»

Недавно опубликованные воспоминания Зинаиды Николаевны Пастернак, не скрывающей сложные и даже интимные стороны своего супружества, проливают на ситуацию «трагического треугольника» дополнительный свет.

«У меня было чувство вины, и до сих пор я считаю, что я во всем виновата. Моя общественная деятельность в Чистополе и Москве затяну-

ла меня с головой, я забросила Боря, он почти всегда был один, и еще одно интимное обстоятельство, которое я не могу обойти, сыграло свою роль.

Борис Пастернак и Ольга Ивинская. Измалково. 1958.

Дело в том, что после потрясшей меня смерти Адика (старшего сына З.Н. и Г.Нейгауза. — В.С.) мне казались близкие отношения кошунственными, и я не всегда могла выполнять обязанности жены. Я стала быстро стариться и, если можно так выразиться, сдавала свои позиции жены и хозяйки.

...Поневоле мне приходилось часто и надолго уходить из дому. Наверно, тогда начались встречи с О.И., и я стала замечать, что что-то чужое встало между нами».

Между тем Зинаида Николаевна, и не без оснований, считала, что она также является прототипом героини «Доктора Живаго», и она однозначно высказывалась на этот счет и в предисловии к русскому изданию (1992), и в своих воспоминаниях о годах, проведенных с Пастернаком.

Вот что сама Зинаида Николаевна писала по этому поводу:

«Некоторые удивились, что Лара блондинка с серыми глазами, намекая

на ее сходство с Ивинской. Но я была уверена, что от этой дамы он взял только наружность, а судьба и характер списаны с меня буквально до мельчайших подробностей. Комарский (так в тексте. — В.С.) же — моя первая любовь. Боря очень зло описал Комарского. Н.Милитинский был значительно выше и благороднее и не обладал такими животными качествами. Я не раз говорила Боре об этом. Но он не собирался ничего переделывать в этой личности, раз он так себе ее представлял, и не желал расставаться с этим образом».

Чтобы понять сказанное здесь Зинаидой Пастернак, необходимо прочесть страницы ее воспоминаний, посвященные эпизоду ее ранней юности. Шестнадцатилетней девочкой она влюбилась в своего двоюродного брата Николая Милитинского, женатого человека, отца двоих детей и почти втрое старше ее. Это была бурная и неистовая страсть: «Встречи учащались. Из института, в форме, надев вуаль, я шла на свидание с ним...»

Здесь и в самом деле много сходства с историей Лары и Комаровского. Но главное, что сближает эту любовную связь с эпизодом, о котором с такой откровенностью рассказывала мужу Зинаида Николаевна, это «дореволюционная» атмосфера. Между тем как Ольга Ивинская была слишком «современно-советской» (даже в своем бунте, который в дальнейшем привел ее к тому, что она мужественно приняла сторону опального поэта), чтобы послужить единственным прототипом Лары.

Однако и в этом случае следует отказаться от упрощенной теории прототипов. Обратимся еще раз к тому, что пишет Зинаида Николаевна, вспоминая, что Пастернак, «не желая, по-видимому, обидеть свое последнее увлечение О.И., давал совершенно неправильные комментарии за границу. Мне потом пришлось читать, что Лара — это О.И. Прочитав такой журнал, я сказала, смеясь, Боре: «Автор ссылается на твои слова, а мне это странно, так как вся судьба Лары и ее связь с Комаровским похожа на мою судьбу». Он мне ответил: «Лара это сборный образ, и тут много от тебя и от других женщин»».

Здесь Пастернак решает проблему «прототипа» в духе того, как ее решал Дмитрий Сергеевич Лихачев в приводимом выше отрывке из воспоминаний Ивинской.

Впрочем, и у самого Юрия Живаго нет прототипа, даже автобиографического, то есть это не только Борис Пастернак, но образ, в котором, по словам автора, слились образы многих русских поэтов — от Блока до Есенина, и даже Маяковского (по крайней мере в его наименее «ангажированной» части). Здесь, однако, мы переходим уже в другой регистр анализа и прочтения романа, позволяющий видеть в «Докторе Живаго» автобиографию целой эпохи и коллективной судьбы глазами одного из героев этой эпохи и этой судьбы.

Подлинные «прототипы» Лары и Юрия Живаго — душа великого и грозного времени и жизнь — как заложники Вечности «у времени в плену», говоря словами самого поэта.